

УДК 94(3):82

КОНСТАНТИНОС КАВАФИС: ПОЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭЛЛИНСКОЙ ИСТОРИИ

Е.А. Чиглинец

Аннотация

В статье рассматривается такой аспект творчества К. Кавафиса, как система представлений об истории эллинов с древности до XX в., основанная на националистической идее культурного единства и преемственности. Доказывается, что художественное осмысление Кавафисом эпохи эллинизма представляет собой репрезентативный вариант рецепции античности европейской культурой рубежа XIX – XX вв.

Ключевые слова: Константинос Кавафис, рецепция античности, поэтическая концепция античной истории, социокультурный контекст, интерпретация традиционных символов.

Творчество К. Кавафиса являет собой воплощение рецепции античности и дает блестящий материал для анализа механизмов этой рецепции.

Поэтическое наследие Кавафиса достаточно подробно проанализировано монографически в трудах ряда специалистов-филологов и коллег-поэтов (см. [1–8]). Они, правда, не пользуются при своем анализе понятием «рецепция античности», находя другие термины для описания того, что делает Кавафис с античным наследием. Эти работы содержат и достаточно подробную биографию поэта, и разбор многих его стихотворений. Они рисуют и социокультурную ситуацию, повлиявшую на становление и развитие поэта, обращаются к его общественно-политическим взглядам, к этническому менталитету и взаимодействию с европейской культурой.

Сопричастность к античности пронизывает весь жизненный и творческий путь К. Кавафиса, что позволяет хронологически достаточно четко отследить в его поэзии первичный, латентный уровень рецепции античного наследия, который практически не поддается объективному анализу у большинства творцов, поскольку не находит отражения в творчестве. Дело в том, что и в биографии Кавафиса, и в его сочинительстве достаточно четко выделяется некоторый ранний период, когда он занимался, по сути, простым воспроизведением отдельных сюжетов античного культурного наследия, пересказывал их без всякой интерпретации, без попытки наделения новыми смыслами и ассоциациями. И лишь в последующие годы появляется нормальное для всякого творческого человека стремление к перетолкованию и переосмыслению античного наследия, что определяется и необходимостью самовыражения, и стремлением соответствовать культурным потребностям своего времени.

Константинос Кавафис родился 29 апреля 1863 г. и умер 29 апреля 1933 г. в Александрии Египетской. Отец его был коммерсантом и принадлежал к очень влиятельной греческой колонии. В условиях британской оккупации Египта греки заняли, по сути, аристократическое положение в стране, способствуя активному проникновению туда европейской культуры и образования (см. [2, с. 284]).

В первый период жизни и творчества Кавафиса социокультурными доминантами формирования его интереса к античности в рамках европейской культурной традиции могут считаться: во-первых, образование, полученное им сначала дома, под руководством английских и французских гувернеров, а затем – в Англии, куда он в семилетнем возрасте был перевезен, и где получил классическое европейское образование, прежде всего в сфере языков и литературы (см. [2, с. 284–285; 3, с. 492]); во-вторых, сочувственное восприятие им идеи исторического единства греческой культуры (древняя Греция – Византия – современная Греция), идеи, на которой основывались националистические течения XIX – XX вв. в Элладе и местах компактного проживания греков (см. [2, с. 285–286]); в-третьих, то влияние, которое испытал Кавафис со стороны выдающихся представителей мировой поэтической традиции, прежде всего, греческих романтиков, французских символистов и «Парнаса» (см. [2, с. 293–294]).

Нужно отметить, что первые стихи, в которых можно уловить рецепцию античности, относятся к 90-м годам XIX в. Все они, кроме одного, либо никогда не включались Кавафисом в его поэтические сборники, либо, изданные однажды, больше никогда им не переиздавались. Таким образом, эти опусы Кавафиса отражают не предназначенную для публики внутреннюю интеллектуальную работу по освоению античного наследия.

Второй, зрелый с точки зрения рецепции античности, этап творчества К. Кавафиса охватывает его жизнь с начала 1900-х годов и до самой кончины в 1933 г.¹ В рамках этого этапа прослеживается и более высокий уровень осмысления античного наследия. Можно сказать, что у Кавафиса появляется достаточно стройная система взглядов на античность, своеобразная поэтическая концепция эллинской цивилизации в целом. Кавафис включает в нее Ахейскую и классическую Грецию, эллинизм, Рим и Византию. Более того, прямыми преемниками ее, по Кавафису, выступают и его современники-греки. В этом отношении совершенно символически может быть воспринято стихотворение «Голоса» (1904 г.), которое открывает каноническое собрание стихов Кавафиса:

Родные голоса... но где же вы? –
одни давным-давно мертвы, другие
потеряны, как если бы мертвы.
Они порой воскреснут в сновидениях,
они порой тревожат наши мысли
и отзвуком неясным пробуждая
поэзию минувшей нашей жизни,
как музыка ночная, угасают...

[9, с. 17] (пер. Р. Дубровкина).

¹ Специалисты-литературоведы выделяют внутри этого этапа отдельные периоды, в частности первое десятилетие XX в., но с точки зрения проблемы рецепции античности – это не существенно.

Восприятие Кавафисом эллинской цивилизации не лишено историзма. Он улавливает и демонстрирует некие узловые этапы в жизни этой цивилизации. Однако в произведениях поэта чаще всего фигурируют персонажи и события мало значимые с точки зрения движения истории в целом («в эпохе той найти какой-то штрих» [9, с. 83], но зато передающие дух эпохи, ее человеческое содержание. «Типичным для его стихов становится, таким образом, стремление прожить мгновение из далекого прошлого греческой истории, вообразить прошлое. ...Кавафис античный мотив воспринимает, меняет и ведет дальше с целью разъяснения» [10, S. 137].

Так возникает в произведениях поэта в связи с ранней греческой историей блок мифических и эпических материалов, отражающих некую квази-историческую реальность. Но эти исторические ассоциации становятся зачастую лишь поводом для этических оценок самоощущения современного человека. Например, в стихотворении «Измена» (1904 г.), где идет отсылка к Гомеру, Эсхилу, Платону при рассказе о реакции Фетиды на «измену» Аполлона, который не просто не исполнил свое предсказание о долгой жизни Ахилла, но и «на поле боя к Трое сам явился / и заодно с троянцами убил Ахилла» [9, с. 3] (пер. С. Ильинской)]. В «Погребении Сарпедона» (1908 г.) вновь мы встречаем лишь парадокс на тему Гомера (см. [9, с. 33–34]). Здесь единым сюжетом достойных похорон героя объединены разрозненные эпизоды XVI песни «Илиады» (Ном. II. XVI, 433–462, 477–505, 633–683) (см. [10, S. 139–141]). В «Троянцах» (1905 г.) судьба защитников города обобщается до символа тщетности сопротивления превратностям судьбы: «Все усилия наши – усилия обреченных. / Мы в усилиях наших подобны защитникам Трои» [9, с. 46] (пер. А. Величанского). И, наконец, «Итака» (1911 г.). От Гомера здесь только название. Для Кавафиса это символ тяжелого жизненного пути любого человека:

Пусть в помыслах твоих Итака будет
конечной целью длинного пути.
И не старайся сократить его, напротив,
на много лет дорогу растяни,
чтоб к острову причалить старцем –
обогащенным тем, что приобрел в пути,
богатств не ожидал от Итаки.
<...>

И если ты найдешь се убогой,
обманутым себя не почитай.
Теперь ты мудр, ты много повидал
и верно понял, что Итаки означают

[9, с. 43–44] (пер. С. Ильинской).

В истории классической Греции выбор тем у Кавафиса весьма своеобразен. Он не вспоминает об Афинской демократии и ее лидерах. «Он восстает против тирании классицизма – всех этих скучных периклов, аспасий и фемистоклов», – писал первый английский биограф Кавафиса Эд. Форстер [6, с. 224]. И даже культурные артефакты, ставшие для нас символом классической Греции, его не интересуют. В классическом периоде Кавафиса привлекают лишь события и явления греко-персидских войн, которые становятся поводом для символической их интерпретации. Так, «Фермопилы» (1903 г.), выступают не столько в качестве

символа доблести, мужества и верности долгу, как это можно было бы предположить, исходя из исторической традиции, сколько в качестве поэтической метафоры этических принципов, которым должен следовать человек. Чувство долга, справедливость, милосердие, щедрость – вот Фермопилы, которые должен «воздвигнуть» и «охранять» человек, несмотря на неизбежность его поражения: «что в конце / появится коварный Эфиальт / и что мидяне все-таки прорутся» [9, с. 25] (пер. С. Ильинской). Своеобразной иллюстрацией этой обреченности человека становится «Сатрапия» (1920 г.), которая выступает как символ отказа творца от свободы творчества в угоду тем милостям, которыми одаривает его всемогущий покровитель: «И ты, отчаявшись, покорно принимаешь / дары, что сердцу вовсе не желанны» [9, с. 36] (пер. С. Ильинской). Пожалуй, лишь в «Демарате» (1921 г.) поэт не претендует на символическое восприятие, а основываясь на рассказе Геродота (Gdt. VI, 63–75; VII, 101–105, 209–210, 234–239; VIII, 65), передает сложное ощущение от личности спартанского перебежчика, который, находясь на службе у персов, тем не менее превозносит мужество и воинскую доблесть своих земляков-спартанцев, когда-то лишивших его царского трона (см. [9, с. 123–124]).

Особое внимание, и это вполне объяснимо для александрийского грека, вызывает у Кавафиса эллинизм. При этом он, в соответствии со своим видением истории эллинской цивилизации, не слишком акцентирует внимание на начале и конце эпохи. О походе Александра он практически и не вспоминает. Хотя гордость за греков, дошедших в IV в. до н. э. до Индии и оставивших свой след в ее культуре, звучит в стихотворении «Монеты» (1920 г.) (см. [9, с. 250]).

Эпоха эллинизма представлена в поэзии Кавафиса во всей полноте. Он упоминает практически все эллинистические государства, особенно часто обращаясь к прямым наследникам Александра и их нисходящим династиям («Царь Деметрий», 1906 г., «Слава Птолемею», 1907 г., «Недовольство Селевкида», 1915 г., «Деметрий Сотер (162–150 до Р. Х.)», 1919 г., «Сражавшиеся за Ахейский союз», 1922 г.) (см. [9, с. 47, 48, 51, 111–112, 128]); он говорит о большинстве крупнейших сражений, как между ними, так и с Римом («Битва при Магнесии», 1915 г., «На пути к Синопе», 1928 г., «Александр Яннай и Александра», 1929 г.) (см. [9, с. 50, 165]); он обращает внимание на духовные процессы в эллинистическом мире («Гречанка искони», 1927 г.) (см. [9, с. 156]); он делает очень остроумные зарисовки о взаимодействии «варварских» и эллинских элементов в повседневной жизни на Востоке («Ороферн», 1915 г., «В Спарте», 1928 г., «Владыка Западной Ливии», 1928 г., «В большой греческой колонии, в 200 году до Р. Х.», 1928 г.) (см. [9, с. 52–53, 160, 162, 163])¹. Пример моделирования, очень показательный в плане рецепции античности, можно увидеть в стихотворении «Филэллин» (1912 г.). Оно написано от имени вымышленного героя, одного из эллинистических царей, который старается соответствовать греческим традициям и продемонстрировать свое приобщение к эллинской культуре. Пафос этого произведения выражен весьма просто и может быть отнесен и к современной

¹ Весьма подробный анализ большинства произведений Кавафиса, посвященных эллинистической истории, сделанный С.Б. Ильинской, при котором она рассматривает стихи поэта в хронологическом порядке и демонстрирует аллюзии, возникающие у автора при столкновении античности и современности, избавляет меня от необходимости специально останавливаться на этом материале (см. [2, с. 363–391, 396–398]).

культуре, как ее представляет Кавафис: «Так вот и мы не чужды эллинского духа» [9, с. 55] (пер. Ю. Мориц).

Не мог не обратиться Кавафис и к финалу эпохи эллинизма. Он несколько раз упоминает о событиях и лицах, связанных с исчезновением последнего из эллинистических царств.

При всей трагичности судеб героев этой эпохи для Кавафиса это не означает гибель всей эллинской цивилизации. Подспудно он внушает читателю мысль, что она продолжается Римом. Не случайно, например, Клеопатра упоминается только проходя, на ней не акцентируется внимание, а гибель Антония – лишь эпизод в преемственном движении эллинской цивилизации, судьба которой уже полностью определяется Римом (одни римляне повергают других римлян). И он вкладывает в уста умирающего Антония («Конец Антония», 1907 г.):

Не нужно его оплакивать, не подобает.
Подобает скорее прославить его:
был он всесильным властителем
и обладал несметными благами.
И если пал он теперь, то не униженно,
а как римлянин, поверженный римлянином

[9, с. 236] (пер. С. Ильинской).

И средиземноморский мир, по мнению Кавафиса, уже смирился с доминированием Рима. По крайней мере, сатирическая картинка ожидания в вымышленном малоазийском деме исхода битвы при Акции, нарисованная поэтом, это демонстрирует («В малоазийском деме», 1926 г.) (см. [9, с. 147]).

Что же касается Рима, то его политическая история вне эллинистического мира Кавафиса интересует мало. Пожалуй, лишь в стихотворении «Мартовские иды» (1911 г.) вновь упоминается Цезарь в день своей смерти. Но этот известный эпизод, когда Цезарь не воспринял предостережение, становится только поводом для дидактического наставления:

Могущества страшись душа.
И если обуздать ты не сумеешь
свои честолюбивые мечты, остерегайся,
следуя им с опаской.
Чем дальше ты зайдешь, тем осторожней будь

[9, с. 38] (пер. С. Ильинской).

Зато культурной истории он уделяет серьезное внимание, но ее восприятие Кавафисом в рамках эллинской цивилизации представляется весьма противоречивым. С одной стороны, он подчеркивает, что греческая культура, греческое знание продолжают постоянно подпитывать Рим и его провинции («Юноши Сидона (400 год)», 1920 г.) (см. [9, с. 114]). С другой стороны, для Кавафиса миссия Рима – это превнесение в мир христианства. И вот тут-то Кавафису изменяет чувство историзма. Одним из героев его поэзии становится Юлиан, император-отступник, которого поэт всячески осуждает за попытку возврата к язычеству. («Юлиан, увидав...», 1923 г., «Большое шествие священников и мирян», 1926 г., «Юлиан и антиохийцы», 1926 г., «Ты не познал», 1928 г., «В окрестностях Антиохии», 1932 г.) (см. [9, с. 132, 150, 152, 158, 180]). Явно модернизированное сознание Кавафиса не оставляет места для размышлений о соотношении христианства и греческого язычества, он не задумывается над синкре-

тическим характером античного христианства и его идейными, философскими истоками. Христианство воспринимается поэтом как данность. В связи с этим и формируется представление Кавафиса о судьбах Римской империи. Он ясно ощущает кризис в развитии ее Западной части. Очень показательное стихотворение «Ожидая варваров» (1904 г.), которое и отражает настроение собственной переломной эпохи рубежа XIX – XX вв., и содержит весьма пессимистичный для римлян финал: «И что же делать нам теперь без варваров? / Ведь это был бы хоть какой-то выход» [9, с. 29–30] (пер. С. Ильинской). Выхода нет.

И все надежды Кавафис возлагает на Восточную империю, воспринимая историю Византии как продолжение эллинской цивилизации. И это принципиально: ни в одном из исторических периодов на переломах эпох поэт не показывает конечности, завершенности процесса развития эллинской цивилизации. И лишь падение Константинополя содержит эту констатацию (стихотворение «Взят», 1921 г.): «...ой, горе нам, конец державе Римской!» [9, с. 251] (пер. Евг. Смагиной).

Таким образом, рецепция античного наследия у Кавафиса пронизывает все его творчество и позволяет ему представить достаточно полную картину античности. Рецепция происходит, прежде всего, через воспроизведение истории (событий, явлений, деятелей) на основе известных науке источников или через моделирование этих событий, исходя из исторического контекста. Однако это не самоцель. Поэт занят поиском в античности символов, понятных и доступных его современному читателю. И тогда рецепция представляет собой собственно интерпретацию, наполнение новыми смыслами известных символов. На этом уровне рецепции происходит, с одной стороны, индивидуальное осмысление этих символов с позиций всей мировой культуры; с другой стороны, – выведение их на уровень философских обобщений или этических норм, не зависящих от индивидуального опыта автора или читателя. Иногда эта интерпретация исходит из парадоксального противопоставления привычного смысла, существующего в культурной памяти человечества, и смысла нового, порожденного современными социокультурными условиями, что, собственно, и позволяет античному наследию оставаться в живой ткани современной культуры.

Summary

E.A. Chiglintzev. Konstantinos Kavafy: Poetic Conception of Hellenic History.

The article views works by K. Kavafy in terms of a system of views on Hellenic history from antiquity to the 20th century based on the nationalistic idea of cultural unity and continuity. Kavafy's creative elaboration on Hellenistic Age is stated to be a way of the antiquity reception in the European culture on border 19–20 centuries.

Key words: Konstantinos Kavafy, reception of antiquity, poetic conception of ancient history, socio-cultural context, interpretation of traditional symbols.

Литература

1. *Ильинская С.Б.* Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. – М.: Наука, 1984. – 319 с.

2. *Ильинская С.Б.* Константинос Кавафис // Русская Кавафиана. – М.: ОГИ, 2000. – С. 279–470.
3. *Топоров В.Н.* Явление Кавафиса // Русская Кавафиана. – М.: ОГИ, 2000. – С. 491–527.
4. *Цивьян Т.Б.* О поэтике Кавафиса // Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. – М., 1979. – С. 271–283.
5. *Цивьян Т.Б.* О поэтике Кавафиса // Русская Кавафиана. – М.: ОГИ. – С. 568–607.
6. *Панова Л.Г.* Новая александрийская поэзия: Константинос Кавафис // Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. Кн. 1. – М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. – С. 223–226.
7. *Бродский И.* На стороне Кавафиса // Иностранная литература. 1995. – № 12. – С. 208–215.
8. *Бродский И.* На стороне Кавафиса // Русская Кавафиана. – М.: ОГИ, 2000. – С. 482–490.
9. Русская Кавафиана. – М.: ОГИ, 2000. – 624 с.
10. *Miller D.* Die Verwandlung antiker Motive in Werk des Konstantinos Kavafis // Antike und Abendland. Beitrage zum Verständnis der Griechen und Römer und ihres Nachlebens. – Berlin; New York, 1989. – Bd. XXXV. – S. 137–149.

Поступила в редакцию
10.09.08

Чиглинец Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета.

E-mail: Evgueni.Tchiglintsev@ksu.ru